

— Не все Слизеринцы плохие, знаете ли. — Гермиона вздохнула, откидываясь на спинку кресла. — Конечно, большинство из них, вероятно, стоило жизни заниматься чем-то другим, кроме злословия в адрес магглорожденных, пока они делили кров с юными Пожирателями смерти. Но в Слизерине было немало людей из нейтральных семей. На самом деле, я довольно хорошо ладила с Дафной Гринграсс и Трейси Дэвис на уроках арифмантии и древних рун. Я бы не сказала, что мы были близкими подругами, но мы были вполне вежливы друг с другом, когда работали вместе. — Почему ты никогда не говорила об этом? — Гарри нахмурился, удивленный откровением. — Представляете, как отреагировал бы Рон, если бы я рассказала ему, что у меня были хоть немного дружеские отношения с парой Слизеринов? — Гермиона закатила глаза. — Это было бы некрасиво, — кивнул Гарри, вздрогнув от этой мысли. — Это было бы хуже, чем на третьем курсе. Он бы, наверное, никогда больше не заговорил со мной, а ты бы последовал его примеру, Гарри. Я бы этого не вынесла, — выражение отчаяния промелькнуло на ее лице при одной только мысли об этом. — Мне так жаль, Гермиона, — сказал он, обнимая ее. — Все в порядке, Гарри. Я не могу быть твоим единственным другом, это было бы нездорово, но на этот раз, пожалуйста, выбери лучшего друга, который не будет думать за тебя. — Особенно, когда он сам не способен думать, — сардонически заметил Северус, улавливая нотки обиды в голосе Гермионы. — Это результат влияния Дамблдора, — вставила Сьюзен, скрестив руки на груди. — Дамблдор давно понял, что если он хочет сохранить своих последователей, то ему нужен враг, с которым он мог бы бороться, чтобы быть их лидером. Легче было воспитать автоматическое недоверие ко всему Дому, чем побудить своих последователей оценивать каждого человека по его собственным достоинствам. Это способствовало бы развитию оригинального мышления, а не слепому следованию его диктату, а этого старый манипулятор допустить не мог. — Все Уизли? Они все были такими? — Гарри с сомнением посмотрел на Сьюзен. — Билл, безусловно, сражался по правильным причинам, — задумчиво ответила Сьюзен. — Может, Делакуры и старинная чистокровная семья, но Флер по материнской линии имеет происхождение от Веелы, что делает ее частью существа. Билл сражался не со Слизерином, а с Пожирателями смерти, которые заявили бы, что его жена — грязная полукровка, которой нельзя позволять жить. Последователи Тома Риддла не любят полукровок и магглорожденных не больше, чем полукровок. — Она вздохнула, продолжая: — Чарли больше волнуют драконы, чем политика, да и вообще люди, за исключением его семьи и близких друзей. Жизнь в Румынии с тех пор, как он окончил школу, сделала войну для него несколько отдаленной и теоретической. Он сражался, потому что сражалась его семья и потому что он знает, что хорошо, а что плохо. Слизеринцы не играли никакой роли в его рассуждениях. Единственный раз он сражался с ними на поле для квиддича; кроме этого, междоусобное соперничество просто не попало в поле его зрения. — Даже Фред и Джордж не являются антислизеринцами как таковыми, Гарри. — Сьюзен усмехнулась, наблюдая за реакцией Гарри. — Хотя некоторые могут критиковать их за постоянные розыгрыши и шутки, легкомыслие и чувство веселья, которые привели к этой страсти, не позволяют им ненавидеть. Хотя им и в голову не приходило подружиться с кем-то из Слизеринов, их отношения со Слизеринцами тоже не были спорными. Напротив, первые пару лет обучения в Хогвартсе близнецы старались их не замечать, не считая случайных шалостей. На самом деле, именно антагонизм между вами, Роном, Гермионой и Драко Малфоем привлек их к соперничеству между Слизерином и Гриффиндором. — Если бы Слизеринцы были готовы поклоняться всемогущему Альбусу Дамблдору, он бы сделал все возможное, чтобы способствовать единению всех Домов под его знаменем. — Сьюзен сделала паузу, позволяя своим словам уложиться в голове Гарри. — Однако Слизеринцы, будучи более циничными, чем большинство других, были склонны видеть его насквозь и уж точно не собирались оказывать ему слепую преданность; это не в их характере, несмотря на то, сколько их было втянуто Томом Риддлом. Поэтому, хотя Дамблдор не был готов пойти настолько далеко, чтобы принять меры против кого-либо из Древних и/или Благородных Домов, или даже просто богатых и влиятельных людей, Дамблдор был рад внести раздор между теми, кто поддерживал его, и теми, кто не

поддерживал. Несомненно, были и те, кто соглашался с идеологией Тома Риддла и поддерживал ее, но были и те, кому, как и Северусу, просто некуда было обратиться. Либо поддерживать Дамблдора, либо поддерживать Волдеморта, и других вариантов не было. Те немногие, кому удавалось сохранять нейтралитет, делали это исключительно потому, что обладали достаточным престижем и влиянием, чтобы обе стороны предпочитали продолжать ухаживать за ними, а не действовать против них. Северус с горечью заметил: — А я никогда и не был. — Его голос звучал хрипло, но в нем слышалась боль. — Когда я был студентом, Дамблдор недвусмысленно дал мне понять, что я ничтожество, грязь под ногами Мародеров. Будучи студентом Хогвартса времен Дамблдора, я не был достоин даже элементарной вежливости, а о моем благополучии он не задумывался ни на минуту. Не имея богатства и влияния, я нуждался в покровителе, чтобы пробиться после Хогвартса, поэтому, когда Темный Лорд и его Пожиратели смерти предложили мне то, чего, по мнению Дамблдора, я не был достоин, — принять их, — я поверил им, потому что какой еще у меня был выбор? — Во времена правления Дамблдора на посту директора Хогвартса, — продолжала Сьюзен, — вражда между Слизерином и Гриффиндором стала настолько сильной, что в сознании Молли Слизерин стал синонимом Пожирателя смерти, а после убийства ее братьев она стала считать виновными в их гибели Слизерин, а не Пожирателей смерти. Фред и Джордж решили, что дружба со Слизерином не стоит ее гнева. Поработав с Северусом в Ордене и узнав правду о Сириусе и Питере Петтигрю, Молли умом понимала, что не все Слизеринцы злые и что плохие люди могут происходить из других Домов, однако эмоционально было не так-то просто изменить столь давние, глубоко укоренившиеся убеждения. И, конечно же, она столько лет приравнивала Слизерин к Тьме, что в какой-то степени воспитала свою семью в том же духе. — Она посмотрела на Гарри, видя его замешательство. — Ее влияние сильнее всего сказалось на Роне и Джинни, так как Молли стала настроена против Слизерина только после того, как ее братьев убили. Биллу и Чарли было примерно одиннадцать и девять лет, когда это случилось, так что они не были изначально воспитаны в духе плохого отношения к Слизерину. Перси не видит общей картины: его мировоззрение очень маленькое, узкое и эгоцентричное, поэтому отношение Молли не оказало на него особого влияния. Близнецы Рональд и Джиневра, словно затерянные в гуще семейного водоворота, получали от Молли лишь крохи внимания. Фред и Джордж, увлеченные своей неразрывной, близнецовой связью, не замечали этого недостатка. Для них она была всем, что им было нужно. Но для Рональда и Джиневре этот недостаток стал ядом, медленно разъедающим их души. Молли, утопая в заботах о старших детях, не могла уделить младшим достаточно времени. Вместо того, чтобы учить их мыслить самостоятельно, ей было проще просто говорить, что думать. Рональду и Джиневре, словно лишенным возможности расправить крылья, оставалось лишь пассивно принимать готовую информацию. Лишь после того, как близнецы отправились в Хогвартс, у Молли появилось свободное время для младших. Но было уже поздно. Рональду, слабохарактерному и не отличавшемуся особым умом, и Джиневре, не получившей помощи после одержимости Томом Риддлом, было уже девять и восемь лет. — Вред был нанесен, — с горечью произнесла Сьюзен. — Добавьте к этому тот факт, что Рон, Джинни, Лаванда Браун, Драко Малфой и его банда заставляли Гермиону чувствовать себя неуверенно. Она не боролась за тебя, потому что не верила, что ты можешь быть заинтересован в ней, а не в Джинни. Гарри посмотрел на миниатюрную ведьму, сидевшую у него на коленях, с опущенными глазами. — Это правда, Гермиона? — с тревогой спросил он, заботясь о своей любимой. Она кивнула, не произнося ни слова. Гарри обхватил ее щеку, нежно повернув ее лицо к себе. — Никогда не думай, что ты недостойна меня, Гермиона. Ты прекрасна, полна сострадания и преданности. И, если уж на то пошло, это я недостойн тебя. Она решительно покачала головой. — Нет, Гарри. Я достойна тебя так же, как и ты меня. — Родственные души? Ее лицо озарилось. — Родственные души. Равные. — Мне нравится, как это звучит. Гарри поцеловал Гермиону, наслаждаясь чувством покоя и полноты, которое охватило их. — Кажется, меня сейчас вырвет, — презрительно произнес Снейп. — От вас двоих просто тошнит. Ради Мерлина, давайте начнем планировать.

<http://tl.rulate.ru/book/104132/3636241>